

УДК 811.11'42

**ТАКТИКА ИЗГНАНИЯ КАК СТРУКТУРНАЯ
 СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВИНДИКТИВНОГО ДИСКУРСА
 (прямые и косвенно-производные формы объективации)**

И.И. Чесноков (Волгоград, Россия)

И.И. Чесноков. Тактика изгнания как структурная составляющая виндиктивного дискурса (прямые и косвенно-производные формы объективации). В статье описываются психический эпицентр, мотив, цель, стратегии и тактики виндиктивного дискурса. Получают освещение прямые и косвенно-производные формы объективации тактики изгнания как структурной составляющей названного вида речевой деятельности. Конструируется коммуникативно-семантическое поле объективирующих данную тактику форм.

Ключевые слова: эмоциональный поведенческий концепт «мечь», виндиктивный дискурс, тактика изгнания, коммуникативно-семантическое поле.

І.І. Чесноков. Тактика вигнання як структурна складова віндиктивного дискурсу (прямі та непрямо-похідні форми об'єктивації). У статті наводяться психічний епіцентр, мотив, мета, стратегії та тактики віндиктивного дискурсу. Отримують висвітлення прямі та непрямо-похідні форми об'єктивації тактики вигнання як структурної складової зазначеного виду мовленнєвої діяльності. Конструюється комунікативно-семантичне поле форм, що об'єктивують дану тактику.

Ключові слова: емоційний поведінковий концепт «помста», віндиктивний дискурс, тактика вигнання, комунікативно-семантичне поле.

I.I. Chesnokov. Tactic of banishment as a structural component of vindictive discourse (direct and indirect forms of presentation). Mental epicentre, motive, aim, strategies and tactics of vindictive discourse are described in this article. Direct and indirect forms, presenting tactic of banishment as a structural component of mentioned above type of speech activity, get enlightenment. Communicative-semantic field of forms, which present this tactic, is constructed.

Key words: emotional behavioural concept “revenge”, vindictive discourse, tactic of banishment, communicative-semantic field.

1. Введение

По мере укрепления когнитивистских позиций в современном языкознании перед лингвистами возникают все новые проблемы, нуждающиеся в комплексном междисциплинарном решении. Одну из таких проблем

составляет теоретическое моделирование концептов и верификация конструируемых аналогов изучаемых ментальных сущностей в лингвокультурных контекстах.

Особый интерес в этой связи представляют эмоциональные концепты, которые определяют поведение человека в той или иной ситуации социального взаимодействия и которые благодаря его способности к саморефлексии объективируются, т.е. обретают знаковую оформленность в соответствии с системой ценностей, исторически сложившейся в рамках данного сообщества.

Предлагаемая вниманию читателей статья представляет собой часть более общего, когнитивно-коммуникативного, описания эмоционального поведенческого концепта «месть» и производного от него виндиктивного дискурса в контексте русской лингвокультуры. **Объектом** исследования в настоящей статье является тактика изгнания как структурная составляющая виндиктивного дискурса, а **предметом** – представляющие названную тактику вербальные формы. **Актуальность** данного исследования обусловливается необходимостью систематизации вербальных построений в рамках виндиктивного дискурса. **Цель** настоящей статьи – построение коммуникативно-семантического поля объективирующей изучаемую тактику форм. (Под коммуникативно-семантическим полем подразумевается совокупность высказываемых носителем этноязыкового сознания предположений, обеспечивающих реализацию определенной тактики его речевого поведения).

Одним из источников социальной активности человека является эмоциональный концепт, представленный в русскоязычном обыденном сознании ключевым словом “месть”. Названный концепт находит свое выражение не только в предметно-практической, но и возникшей на ее основе речевой деятельности, которая характеризуется фрустрационной обусловленностью, осознанностью, целенаправленностью, агрессивностью и по прагматическим параметрам определяется нами как виндиктивный дискурс (далее – ВД) [см.: Шаховский, Чесноков 2005].

Глубинным психологическим мотивом данного вида речевой деятельности является потребность индивида в эмоционально-энергетической разрядке, которая трансформируется в целевую установку, связанную с устранением источника фрустрации (или замещающего его объекта) и установлением границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого враждебного пространства. Реализуется данная целевая установка в стратегиях устрашения и проклятия и соответствующих им тактиках угрозы, а также изгнания, поругания и злопожелания.

Поскольку целевая установка ВД сводится к установлению выше названной границы, а последняя в конечном счете определяется волей речедействующего субъекта, то тактику изгнания (как, впрочем, и другие структурные составляющие изучаемого вида речевой деятельности – тактики

угрозы, поругания и злопожелания) можно рассматривать как вспомогательный способ (или прием), который используется им для утверждения своей воли.

Тактика изгнания наряду с другими тактиками ВД реализуется в прямых и косвенно-производных формах.

2. Прямые формы объективации тактики изгнания

Изучаемая тактика как структурная составляющая стратегии проклятия восходит к предметно-практическому действию – выталкиванию субъектом угрожающего объекта за пределы территории, которую первый считает своей. В столкновениях людей, ведущих борьбу за жизненное пространство, это действие является насильственным или, выражаясь несколько иначе, достаточно жестким способом утверждения субъектом своей воли. А поскольку это так, то в качестве первичных (прямых) форм объективации возникшей на его основе речеповеденческой тактики следует рассматривать такие, которые с точки зрения выражаемых ими конкретно-коммуникативных смыслов (термин Н.И. Формановской: [Формановская 1986: 18]) можно охарактеризовать как требования (или приказы), но не как просьбы (или мольбы).

Ключевым смыслообразующим компонентом объективирующих тактику изгнания требований является глагол *“идти”* в форме повелительного наклонения или прошедшего времени, который нередко предваряется усилительной частицей *“а ну”* и как правило сопровождается наречиями *“отсюда”*, *“вон”* или *“прочь”* (*“Иди отсюда”*, *“А ну иди отсюда”*, *“Пошел вон / прочь”*, *“А ну пошел вон / прочь”*).

Надо сказать, что единицы *“вон”* и *“прочь”* как междометия, выражающие требования или приказы уйти, удалиться [См.: МАС-2, Т.1: 209, Т.3: 546] и сами используются как ключевые средства объективации тактики изгнания: *“Вон!”*, *“Вон отсюда!”*, *“Прочь с дороги!”*, *“Прочь из моего дома!”* и пр.

Еще одним ключевым средством выражения требования уйти, удалиться является предикативная единица *“долой”*, которая, будучи производной от одноименного наречия, восходящего к общеславянскому корню *“dol”* (низ), позволяет субъекту речи эксплицировать нисходящий вектор требуемого от адресата-агрессора передвижения. Это надо понимать так, что, высказывая предложения *“Долой с моих глаз!”* или *“Долой со двора!”*, адресант требует от адресата-агрессора не просто уйти, а уйти вниз в определенной системе иерархических отношений. (Последнее обстоятельство, связанное со способностью предикативной единицы *“долой”* означать движение вниз, низвержение, оказывается релевантным для выражения субъектом речи требования отлучения того или иного лица или группы лиц от власти: 1) *“Долой тиранов! Прочь оковы! Не нужно гнета, рабских пут!”* (песня “Красное знамя”), 2) *“Долой самодержавие!”*, *“Долой антинародное правительство!”* (лозунги демонстрантов). Поэтому, как отмечает Е.И. Шейгал, объективирующие тактику изгнания требования с компонентом *“долой”* и получают столь широкое распространение в политическом дискурсе [Шейгал 2000: 249]).

Направленные на изгнание адресата-агрессора требования представляются также и такими устойчивыми императивными конструкциями, как *“не попадайся мне на глаза”, “чтоб я тебя (здесь) больше не видел”, “чтоб духу твоего / ноги твоей (здесь) больше не было”* и др.

См. 1) *“– Из-за Вашего непрофессионализма я лишился автомобиля и партнера. Так, аванс оставляете себе и больше на глаза мне не попадайтесь”* (Х/ф “Возвращение Турецкого”).

2) *“– Вот сорванцы! Опять за свое! Я же предупреждал вас, что в этом месте ловить рыбу воспрещается. Быстро сматывайте удочки, и чтоб я вас здесь больше не видел”* (ЗЖР).

3) *“– Я доверял тебе так, как доверяют самым близким людям. А ты предал меня! Такое трудно забыть. Словом, собирай свои пожитки, и чтоб духу твоего здесь больше не было”* (ЗЖР).

Для интенсификации намерения причинить адресату-агрессору моральный вред адресант использует также глаголы *убирайся, проваливай, катись, дергай, выметайся, исчезни* и многие другие, а в некоторых случаях – и междометия *брысь* или *кыш*, предназначенные для отгона кошек и птиц. Однако наиболее сильными интенсификаторами данного намерения являются вводимые им в высказывания наименования реалий, к которым он отправляет своего оппонента, – болото, баня, леший, черт, а также обценные обозначения прокреативных и экскреторного органов. Подобного рода конструкции, указывающие, куда следует отправляться адресату-агрессору, иногда называют посылами [См.: Успенский 1994], а среди последних выделяют еще и табуированные послы [См.: Жельвис 1997], имея в виду сорержающиеся в них лексические единицы, на которые общество налагает те или иные запреты. Посылы как формы выражения вербальной агрессии достаточно хорошо описаны в функциональном и структурном аспектах [См. выше указ. авторов, а также: Седов 2003; Кусов 2004 и др.]. Однако реалии – референты имен-интенсификаторов намерения говорящего причинить адресату-агрессору моральный вред лишь в последнее время получают небольшой комментарий, нацеленный на освещение некоторых релевантных для ВД аспектов ценностно-смыслового отношения носителей русского этнокультурного сознания к окружающей действительности и понимание причин, по которым данные реалии превратились в локусы послы [См.: Чесноков 2009: 198–208]. Этот комментарий показывает, что стереотипные представления носителей русского этнокультурного сознания о выше названных предметах реальной и “виртуальной” действительности оказывали существенное влияние на речеповеденческую тактику изгнания: они предопределяли языковую форму ее воплощения, обеспечивая регулярное использование говорящим соответствующих лексических единиц (болото, баня, леший, черт, х..., п..., ж...) для интенсификации своего намерения причинить адресату-агрессору моральный вред. [О стереотипах сознания и стереотипах поведения см.: Красных 2003]. Данное обстоятельство, в свою очередь, вело к

фразеологизации речи и образованию дискурсивных идиом: иди (пошел) в болото, – в баню, – к лешему, – к черту, – на х..., – в п..., – в ж....

Подобного рода дискурсивные идиомы Б.М. Гаспаров рассматривает как коммуникативные фрагменты или отрезки речи, которые “хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которым он оперирует при создании и интерпретации высказываний” [Гаспаров 1996: 117–118]. К данному определению следует добавить лишь то, что в рассматриваемых примерах речь идет не об индивидуальном опыте, а опыте всего лингвокультурного сообщества. К этому опыту индивид приобщается в процессе социализации и воспроизводит его в коммуникативных ситуациях конфликтного типа. Этот опыт позволяет ему экономить усилия в процессе вербализации своих социальных действий и придает им оперативность и недвусмысленность.

Итак, прямые формы объективации тактики изгнания включают в себя высказываемые субъектом речи требования (или приказы), которыми он побуждает адресата-агрессора покинуть определенную (считающуюся первым своей) территорию. Ключевым смыслообразующим компонентом данных требований (или приказов) является глагол “идти” в форме повелительного наклонения или прошедшего времени, нередко предваряемый усилительной частицей “а ну” и, как правило, сопровождаемый наречиями “отсюда”, “вон” или “прочь”. Последние две единицы в качестве междометий и сами используются как средства объективации изучаемой тактики. Еще одним ключевым средством ее выражения является предикативная единица “долой”, позволяющая субъекту речи эксплицитно выразить нисходящий вектор требуемого от адресата-агрессора передвижения. Кроме этого к прямым формам объективации тактики изгнания относятся требования (или приказы), выражаемые устойчивыми императивными конструкциями “не попадайся мне на глаза”, “чтоб я тебя (здесь) больше не видел” и др., а также требования (или приказы), в которых субъект речи для интенсификации намерения причинить адресату-агрессору моральный вред использует глаголы *убирайся, проваливай, катись, дергай* и др., междометия *брысь* или *кыш* или наименования реалий, к которым он отправляет своего оппонента, – болото, баня, леший, черт и обценные обозначения прокреативных и экскреторных органов.

3. Косвенные формы объективации тактики изгнания

Косвенные формы представления тактики изгнания включают в себя широкий круг высказываемых субъектом речи предложений, которыми он побуждает адресата-агрессора покинуть ту или иную, считающуюся им (т.е. субъектом речи) своей, территорию, формально не нанося ему морального вреда. Все они, по нашему мнению, являются продуктами приспособления ВД к принятым в сообществе нормам поведения, требующим от людей – членов этого сообщества в процессе коммуникации как с чужими, так и со своими не проявлять агрессию (за исключением ситуации военного типа, в которой

угрозы и проклятия в адрес врага нормативны) и не обострять общественные отношения.

Это означает, что человек, испытывающий чувство раздражения (или гнева) от присутствия на его территории другого человека и соблюдающий при этом этические нормы речевого поведения, использует такие формы объективации тактики изгнания, которые с точки зрения выражаемых ими конкретно-коммуникативных смыслов представляют собой советы (рекомендации), просьбы или даже мольбы и которые обеспечивают ему воздействие на реципиента в иной, более мягкой по сравнению с прямыми формами объективации изучаемой тактики, тональности.

Совет, как известно, является некатегоричным директивом, который, хотя и задает нисходящий от адресанта к адресату вектор межличностных отношений, тем не менее позволяет говорящему манифестировать то, что он учитывает интересы реципиента и побуждает его сделать нечто лишь потому, что последнее будет для него (т.е. реципиента) благом [См.: Карасик 2002: 74–75]. Поэтому, когда желание прогнать собеседника наталкивается на осознаваемую необходимость соблюдать этические нормы речевого поведения, вместо *“Идите /иди отсюда”* говорят *“Вам / тебе лучше уйти”*.

Надо сказать, что представление благоприятной перспективы рекомендуемого действия может быть весьма развернутым, что, в свою очередь, делается не только для выражения доброго отношения к реципиенту, но и для переориентации его внимания с наличной ситуации социального взаимодействия на некую виртуальную, сулящую ему гораздо большие блага, чем те, которые он намеревается получить здесь и сейчас.

См. *“Когда в закуской появились вчерашние посетители, еще не протрезвевшие и готовые к новым потасовкам, хозяин решил, что от них надо избавиться, и как можно быстрее.*

– Господа, – начал он, подойдя к столику, – мы еще не готовы принимать гостей. Продукты не завезли, а предлагать вчерашнее, сами знаете, – неприлично. Вы бы прошли к центральной площади. Там столько новых кафе! Хозяева – уважаемые люди. У них и меню поразнообразнее, чем у нас, а главное – пиво всегда свежее.

Последние слова оказались решающими. Переглянувшись, мужчины встали и направились к выходу” (А. Малышева. Пассажир без багажа).

Такие формы объективации тактики изгнания были известны еще древним славянам, которые использовали их не только в межличностных отношениях, но и для воздействия на таинственные силы природы. Последнее обстоятельство следует рассматривать как вполне закономерное, поскольку природные стихии олицетворялись и вовлекались в коммуникативный процесс со всеми свойственными человеческим отношениям нюансами.

Вот лишь некоторые примеры так называемых увещательных заговоров, в которых тактика изгнания представлена советами, весьма развернуто

эксплицирующими благоприятные перспективы рекомендуемых реципиентам действий.

Заговор от лихорадок: *“Здесь вам не жилье, не жилище, не прохладище; ступайте вы в болота, в глубокие озера, за быстры реки и темны боры: там для вас кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя, там яства сахарныя, напитки медовыя; там будет вам житье, жилище, прохладище...”* [КЭСМ: 333].

Заговор на отгон грозовой тучи: *“Туча, туча, ідзі бокам, апыніся над Глыбокім, там пірожки пякуць, табе крошкі дадуць і цябе поджыдаюць”* [Цит. по: Левкиевская 2002: 143].

Просьба, хотя и является категоричным директивом, тем не менее задает восходящий от адресанта к адресату вектор межличностных отношений, что, в свою очередь, и предопределяет использование субъектом речи данной формы волеизъявления для объективации тактики изгнания, поскольку позволяет ему продемонстрировать свою вежливость. Последнее обстоятельство в контексте социальной иерархии оказывается релевантным для всех видов статусных отношений.

Просьба со стороны вышестоящего, конечно же, является вежливой формой требования (или приказа), но именно она (отмеченная эксплицитным перформативом, этикетным словом “пожалуйста” и / или соответствующей интонацией) и облегчает коммуникацию, поскольку сигнализирует об уважительном отношении говорящего к своему собеседнику. Поэтому данная форма объективации тактики изгнания и получает широкое распространение у лиц, которые имеют полномочия требовать (или приказывать), но, понимая жесткость этих форм, предпочитают просить.

Так, например, высказывание *“Попрошу Вас покинуть зал заседаний”* используется Председателем Государственной Думы как форма объективации тактики изгнания, направляемой на нарушителя установленных в данном учреждении норм поведения, а выражение *“Попрошу Вас выйти из аудитории”* (*“Выйдите, пожалуйста, из аудитории”*), употребляется преподавателем в качестве формы объективации тактики изгнания, ориентированной на студента, нарушающего правила поведения во время занятия.

Просьба в равностатусных отношениях и, тем более, в обращениях нижестоящего к вышестоящему лицу – это нормативная форма волеизъявления, которая, помимо выше отмеченного свойства – быть индикатором вежливости и тем самым способствовать успеху производимого речевого действия, позволяет говорящему избегать очень возможного в случае использования им требования вопроса со стороны реципиента: *“А кто ты такой, чтобы от меня что-либо требовать?”* и формально не обострять межличностные отношения. Поэтому просьба как форма объективации тактики изгнания вполне закономерно получает широкое распространение и в выше названных

статусных отношениях: ведь она позволяет субъекту речи побудить реципиента уйти, удалиться, не нарушая принципа мирного сосуществования.

Мольба является усиленным вариантом просьбы. Неслучайно М.Я. Гловинская в толкование глагола “умолять” включает компоненты “X говорит, что он хочет, чтобы У сделал Р” и “X говорит это так, чтобы У представил себе важность Р для X-а или сжалился над X-ом” [Гловинская 1993: 181]. Умолять кого-либо что-либо сделать – это значит изъявлять волю, демонстрируя полную зависимость от реципиента, полную подчиненность реципиенту, и тем самым давая ему возможность ощутить свою значимость. Ощущение значимости относится к категории приятных. А поскольку это так, то мольбу можно рассматривать как такую форму волеизъявления, которая рассчитана на достижение положительного результата через усиленное воздействие на центры удовольствия реципиента. Поэтому мольба также используется как косвенная форма объективации тактики изгнания и при обращении вышестоящего к нижестоящему в том или ином статусном отношении лицу: *“Я вас умоляю: идите со своим футболом...на стадион, не бегайте под окнами”*, и в равностатусных отношениях: *“Ты пропил всю нашу любовь. Уходи. Умоляю тебя”* и при воздействии нижестоящего на вышестоящее лицо: *“Отец, умоляю тебя, оставь меня в покое”* (ЗЖР).

Тактика изгнания объективируется также вербальными построениями, которые не содержат формальных показателей намерения субъекта речи побудить своего оппонента покинуть определенную территорию – лексических и фразеологических единиц с семантикой удаления (*уходи, вон, чтоб я тебя (здесь) больше не видел* и т.д.). Они рассматриваются в настоящей работе как формы импликации тактики изгнания и включают в себя как вопросительные (рогативы), так и утвердительные (репрезентативы) предложения, содержащие самую разную, ситуативно обусловленную, информацию, которая с точки зрения отправителя сообщения способна побудить реципиента уйти, удалиться. Такие предложения встречаются и в обыденной, и в институциональной сферах общения и с точки зрения говорящего, вероятно, являются наиболее мягкими, щадящими реципиента, формами представления изучаемой тактики.

В качестве примеров, иллюстрирующих использование речедействующим субъектом рогативных и репрезентативных конструкций для импликации тактики изгнания в обыденной сфере общения, можно привести фразы, которые хозяева адресуют нежеланным или даже желанным (в том числе и званым) гостям, нарушающим своим чрезмерно долгим присутствием правила приличия: *“Ты не хочешь подышать свежим воздухом?”*, *“Ты не опоздаешь на автобус?”*, *“Твои, наверное, уже волнуются”*, *“Мне надо отдохнуть”* и т.д.

Конечно, нежеланного гостя вряд ли можно назвать агрессором, имея в виду то, что он не совершает никаких, нацеленных на причинение вреда хозяину, действий. Однако в сознании хозяина он и превращается в агрессора, если своим присутствием противоречит его воле и вызывает у него фрустрацию.

Надо полагать, что подобного рода формы импликации тактики изгнания и порождаются конфликтом между желанием хозяина избавиться от присутствия на его территории гостя и необходимостью соблюдать закон гостеприимства. (О том, что такой конфликт существует, можно судить по устойчивым речевым формулам, которые остаются за кадром взаимодействия хозяина и гостя. Одна из них выражает неудовольствие хозяина по поводу прихода нежеланного гостя (*черт (бес, леший, нелегкая) несет кого / принес кого*), а другая – удовольствие по поводу его (а в него при выше описанных условиях превращается и желанный (званный) гость) ухода (*черт (нелегкая) унес кого*) [См.: ФСРЯ: 521]).

В качестве примеров импликации тактики изгнания в институциональной сфере общения можно привести высказывания (надписи на транспорантах), которыми русскоязычные жители Крыма не так давно встречали высаживавшихся на берег американских моряков, участвовавших совместно с украинскими моряками в военно-морских учениях стран-членов НАТО.

См. 1) “*Американцы! Вы не ошиблись адресом?*”.

2) “*Американцы! Вас ждут дома жены и дети!*”. (РТР. «Вести». 23.07.2007).

Главной коммуникативно-прагматической особенностью выше рассмотренных форм является то, что они позволяют субъекту речи опредмечивать тактику изгнания, не нарушая принципа мирного сосуществования, что, в свою очередь, как нам кажется, и обуславливает их распространение и в личностно-, и в статусно ориентированном общении.

Итак, косвенные формы объективации тактики изгнания включают в себя советы, просьбы и мольбы, которыми субъект речи побуждает оппонента покинуть определенную (считающуюся первым своей) территорию. Кроме этого к косвенным формам объективации изучаемой тактики мы относим вербальные построения, не содержащие формальных показателей намерения говорящего побудить оппонента покинуть определенную территорию – лексических и фразеологических единиц с семантикой удаления. Они рассматриваются нами как формы импликации изучаемой тактики и включают в себя как вопросительные (рогативы), так и утвердительные (репрезентативы) предложения, содержащие самую разную, ситуативно обусловленную, информацию, которая с точки зрения отправителя сообщения способна побудить реципиента уйти, удалиться (“*Ты не хочешь выйти на воздух?*”, “*Ты можешь опоздать на автобус*” и т.д.).

4. Коммуникативно-семантическое поле форм выражения тактики изгнания

Если все формы объективации тактики изгнания представить в виде коммуникативно-семантического поля, то

в его **ядро** войдут высказываемые субъектом речи требования (или приказы), которыми он побуждает оппонента покинуть определенную территорию (ключевым смыслообразующим компонентом данных требований (или приказов) является глагол “*идти*” в форме повелительного наклонения

или прошедшего времени, нередко предваряемый услительной частицей “а ну” и, как правило, сопровождаемый наречиями “отсюда”, “вон” или “прочь”); здесь же окажутся требования (или приказы), выражаемые устойчивыми императивными конструкциями “не попадайся мне на глаза”, “чтоб я тебя (здесь) больше не видел” и др., а также требования (или приказы), в которых говорящий для интенсификации намерения причинить адресату-агрессору моральный вред использует глаголы *убирайся, проваливай, катись, дергай* и др., междометия *брысь* или *кыш* или наименования реалий, к которым он отправляет своего оппонента, – болото, баня, леший, черт и др.;

околоядерное пространство данного поля займут советы, просьбы и мольбы, которыми субъект речи побуждает оппонента уйти, удалиться (“*Вам лучше уйти*”, “*Попрошу Вас покинуть зал заседаний*” и др.);

на **периферии** моделируемого поля окажутся различные рогативные и репрезентативные конструкции, которыми субъект речи намекает оппоненту на то, чтобы он ушел (“*Ты не хочешь подышать свежим воздухом?*”, “*Ты можешь опоздать на автобус*” и др.).

5. Выводы

Отметим, что конфликт между индивидом и обществом в части права на реализацию себя в качестве карающей силы является важнейшим фактором, стимулирующим речемыслительную деятельность и появление косвенных форм объективации и тактики изгнания, и виндиктивного дискурса в целом.

Представленная в настоящей статье систематизация форм воплощения тактики изгнания, естественно, **применяется** и по отношению к формам воплощения других тактик виндиктивного дискурса, поскольку вытекает из выше отмеченного, свойственного изыскаемому виду речевой деятельности, социально-психологического обстоятельства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б.М. Гаспаров. – М., 1996. – 352 с.
2. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М.Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993. – С. 152–159.
3. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема / В.И. Жельвис. – М., 1997. – 307 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Кусов Г.В. Оскорбление как иллюкутивный лингвокультурный концепт: дис... канд. филол. наук / Г.В. Кусов. – Краснодар, 2004. – 245 с.

7. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура / Е.Е. Левкиевская. – М.: Индрик, 2002. – 293 с.
8. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия / К.Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 196–212.
9. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии / Б.А. Успенский // Избранные труды. Т. II: Язык и культура. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – С. 53–128.
10. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и интенциональной семантике их единиц / Н.И. Формановская // Языковое общение и его единицы: сб. науч. ст. – Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1986. – С. 18–27.
11. Чесноков И.И. Мечь как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. ... доктора филол. наук / И.И. Чесноков. – Волгоград, 2009. – 334 с.
12. Шаховский В.И. Фрустрации – эмоции – дискурс (к теории виндиктивного дискурса) / В.И. Шаховский, И.И. Чесноков // Языковая личность в дискурсе: полифония структур и культур: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М.; Тверь: ИЯ РАН: ТвГУ: ТГСХА, 2005. – С. 152–159.
13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал; Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

- КЭСМ – Краткая энциклопедия славянской мифологии: Ок. 1000 статей / Н.С. Шапарова. – М.: ООО «Издательство АСТ» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Русские словари», 2003.
- МАС-2 – Словарь русского языка: в 4-х т. – М.: Русский язык, 1981-1984.
- ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978.

Иван Иванович Чесноков, доктор филол. наук, профессор каф. русского языка как иностранного Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: figa@vsru.ru